

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.27:7.031.1

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-13)

EDN: ENNXWL

ОБРАЗ ЛОШАДИ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ РАСКОПОК В. В. РАДЛОВА)

Виктория Алексеевна Гражданкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
grazhdankina_v0607@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3788-4989>

Резюме. Статья сосредоточена на кратком историографическом анализе исследований советских и российских ученых, посвященных уникальным деревянным фигуркам коней, обнаруженным В. В. Радловым в Большом Катандинском кургане в 1865 г. Рассматриваются работы таких видных исследователей, как А. А. Захаров, С. И. Руденко, С. В. Киселев и В. Д. Кубарев, внесших значительный вклад в изучение этих артефактов. Особое внимание уделяется описанию внешнего вида фигурок и их возможным интерпретациям в культурном контексте древних кочевников. Приводятся аналогичные находки из других археологических памятников, что позволит в будущем выявить общие черты и различия, а также реконструировать эстетические предпочтения и сакральные представления древних кочевых обществ. В статье акцентируется внимание на значимости дальнейших исследований деревянных фигурок катандинских коней для углубленного понимания культурно-религиозных практик скифских культур, населявших Алтай и регионы Внутренней Азии.

Ключевые слова: Алтай, Большой Катандинский курган, древние кочевники, деревянные фигурки, лошади

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства».

Для цитирования: Гражданкина В. А. Образ лошади в искусстве древних кочевников Алтая (по материалам из раскопок В. В. Радлова) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 3. С. 269–283. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-13)

THE IMAGE OF A HORSE IN THE ART OF THE ANCIENT NOMADS OF ALTAI (BASED ON MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF V. V. RADLOV)

Victoria A. Grazhdankina

Altai State University, Barnaul, Russia;

grazhdankina_v0607@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3788-4989>

Abstract. The article focuses on a brief historiographic analysis of research by Soviet and Russian scientists on the unique wooden horse figurines discovered by V. V. Radlov in the Bolshoy Katandinsky Kurgan in 1865. It examines the work of such prominent researchers as A. A. Zakharov, S. I. Rudenko, S. V. Kiselyov, and V. D. Kubarev, who made significant contributions to the study of these artifacts. Special attention is paid to the description of the figurines' appearance and their possible interpretations in the cultural context of ancient nomads. Similar finds from other archaeological sites are also presented, which will make it possible in the future to identify common features and differences, as well as reconstruct aesthetic preferences and sacred representations of ancient nomadic societies. The article emphasizes the importance of further research on wooden figurines of Katandinsky horses for an in-depth understanding of the cultural and religious practices of the Scythian cultures that inhabited Altai and the regions of Inner Asia.

Keywords: Altai, The Great Katandinsky Kurgan, ancient nomads, wooden figurines, horses

Acknowledgments: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22–18–00470–P “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research on Material Culture, Statues, and Economy”.

For citation: Grazhdankina V. A. The Image of a Horse in the Art of the Ancient Nomads of Altai (Based on Materials from the Excavations of V. V. Radlov). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* = *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(3):269–283. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-13)

Введение
Кони имели существенное значение в хозяйстве, военном деле, духовной культуре и других сферах жизни и деятельности древних кочевников, что нашло отражение в различных обрядах и искусстве. Образ лошади все еще остается слабо изученной темой, хотя исследования в этом направлении предпринимались. Основная цель статьи заключается в осуществлении комплексного историографического анализа существующей литературы по указанной теме, в частности, анализа вклада, который внесли такие исследователи, как В. В. Радлов и А. А. Захаров, в формирование понимания значения деревянных фигурок лошадей из Большого Катандинского кургана (рис. 1–4). Основное внимание уделено особенностям изготовления и культурной интерпретации этих артефактов, а также их сопоставлению с аналогиями из других регионов для выявления в дальнейшем общих тенденций и специфики местной художественной традиции.

Научный интерес к фигуркам катандинских лошадей в контексте скифской культуры, а также к их функциональной и символической значимости нарастает в последние десятилетия. Работы таких авторов, как С. И. и Н. М. Руденко, С. В. Киселев, В. Д. Кубарев и др., иллюстрируют широкий спектр подходов и методов анализа, применяемых к интерпретации подобных находок. Данная статья стремится обобщить и критически оценить эти исследования.

*Рис. 1. Деревянная фигурка лошади из Катандинского кургана. Раскопки В. В. Радлова 1865 г.
(по: Камелина, 2024)*

*Fig. 1. Wooden horse figurine from the Katandinsky Mound. Excavations by V. V. Radlov in 1865
(according to: Kamelina, 2024)*

*Рис. 2. Деревянная фигурка лошади с частично сохранившимися задними конечностями.
Раскопки В. В. Радлова 1865 г. (по: Камелина, 2024)*

*Fig. 2. A wooden horse figurine with partially preserved hind legs. Excavations by V. V. Radlov in 1865
(according to: Kamelina, 2024)*

Рис. 3. Деревянная фигурка лошади с фрагментированными задними и передними конечностями. Длина — 7,4 см, высота — 6,6 см. Раскопки В. В. Радлова 1865 г. (по: Камелина, 2024)

Fig. 3. A wooden horse figurine with fragmented hind and front limbs. Length — 7,4 cm, height — 6,6 cm. Excavations by V. V. Radlov in 1865 (according to: Kamelina, 2024)

Рис. 4. Деревянная фигурка лошади без головы с фрагментированными передними конечностями. Длина — 6 см, высота — 7,2 см. Раскопки В. В. Радлова 1865 г. (по: Камелина, 2024)

Fig. 4. A wooden horse figurine without a head and with fragmented front limbs. Length — 6 cm, height — 7,2 cm. Excavations by V. V. Radlov in 1865 (according to: Kamelina, 2024)

Материалы и методы

Для достижения заявленной цели в статье используются историографические методы, включая хронологический метод и метод перспективного анализа, представляющие собой два основных направления. Хронологический метод позволяет отслеживать эволюцию научного осмысления фигурок катандинских лошадей, начиная с первоисточников, таких как дневники В. В. Радлова, и до современных исследований. Это дает возможность выявить, как изменялось понимание и интерпретация этих артефактов с течением времени, а также как новые данные и методы влияли на научное восприятие. Метод перспективного анализа помогает оценить предыдущие работы, выявить их сильные и слабые стороны. Такой подход позволит не только описать находки, но и проанализировать их восприятие различными исследователями, а также какие выводы были сделаны на основе уже имеющихся работ. Это содействует выявлению пробелов в предыдущих исследованиях и подчеркивает необходимость дальнейших научных изысканий.

В дополнение к вышеуказанным методам исследование опирается на сравнительный анализ материалов, который в будущем позволит установить стилистические и конструктивные параллели между катандинскими фигурками и аналогичными находками из других археологических культур. Это способствует более глубокому пониманию функциональных и символических аспектов фигурок, а также их значения в контексте погребальной практики и культуры древних кочевников.

Критический подход к интерпретации рассматриваемых нами артефактов также важен в данном исследовании, что показано на примере сомнения в трактовке фигурок катандинских лошадей как оленей, предложенной С.И. и Н. М. Руденко, которые неверно интерпретировали данные находки. Историографические методы, применяемые в статье, не только упорядочивают и анализируют обширный массив информации, но и развивают дискуссию вокруг тематики образов лошадей в древнем искусстве, подчеркивая их значимость в обрядовой и культурной жизни и деятельности древних кочевых социумов (Шалаева, 2014, с. 8).

Обсуждение

Большой Катандинский курган — первый исследованный погребальный памятник скифо-сакского времени Алтая с замерзшим погребением пазырыкской археологической культуры, которая в настоящее время датируется в рамках 2-й половины VI–III/II вв. до н.э. Хронологией пазырыкских курганов детально занимался отечественный исследователь Л. С. Марсадолов (1996), выделивший этапы изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. и отметивший изложенные ниже тенденции. Так, С. А. Теплоухов (1888–1934) при изучении находок из Ноин-Улы указал на мотив борьбы оленя с грифоном на ковре, аналогия которому имеется в Катандинском кургане. А. А. Захаров (1884–1937) датировал рассматриваемый объект II в.н.э. После раскопок Первого Пазырыкского кургана Н. Я. Марр (1864–1934) соотнес новую алтайскую культуру со скифской и предварительно определил ее датировку IV–III вв. до н.э. В. В. Гольмстен (1880–1942) сравнила с пазырыкскими находками золотую бляху из Сибирской коллекции Петра I, датировав Первый Пазырыкский курган II в. до н.э., а Катандинский — I в. до н.э. В монографии С. И. Руденко (1885–1969), изданной в 1953 г.,

пазырыкские курганы были определены исследователем V–IV вв. до н.э. (Марсадолов, 2024, с. 227–228; Руденко, 1953, с. 345, 360). Л. С. Марсадолов (1996, с. 57) считает Катандинский курган одним из самых поздних среди исследованных крупных курганов, и он датирует его V–IV вв. до н.э.

В своих дневниках и научных трудах Василий Васильевич Радлов не дал детального описания деревянных фигурок животных, обнаруженных при раскопках на Алтае в 1865 г. Большого Катандинского кургана. Он лишь кратко сообщил о них: «...нагрудник, изготовленный из меха горностая, и изображения лошадей, закрепленные на шелковой ленте...» (Радлов, 1989, с. 448).

Одним из первых подробные характеристики указанных находок представил археолог А. А. Захаров (1884–1937). Он привел размеры и описания семи фигурок. Пять из них были вырезаны в профиль и имели отверстия на голове и туловище. У некоторых отсутствовали правые или левые конечности. Шестая и седьмая лошади в публикации А. А. Захарова (1926, с. 93) изображены в профиль, но с повернутыми анфас головами. Лежащие лошади фрагментированы, частично отсутствуют конечности, отмечены повороты голов в разные стороны и следы краски. Одна из фигурок представляет фантастического зверя с лошадиным телом. На двух лошадях сохранились остатки тонкой шелковой ткани, а у трех — фрагменты золотой фольги. А. А. Захаров предположил, что предметы, возможно, вырезаны из лиственницы. Также было отмечено наличие очертаний седел и отсутствие уздечек, которые могли быть сделаны из кожи, поэтому и не сохранились (Захаров, 1926, с. 89). В своей работе Алексей Алексеевич ссылается на рассуждения М. И. Ростовцева о фигурках катандинских лошадей. Исследователь обратил внимание на их сходство с изображением лошади на бляхе из Западной Сибири, которая хранится в Государственном Эрмитаже. М. И. Ростовцев отметил, что алтайские скифы стремились к реалистичному изображению животных, и особенно выделил этих катандинских коней. По его мнению, их оформление напоминает лошадей, запечатленных на двух золотых сибирских бляхах с бытовыми сценами из жизни их владельцев. Предполагалось, что это могли быть одинаковые породы коней, и указывалось на схожесть коротких, прямо стоящих грив (Ростовцев, 1918, с. 139–140). На основании обнаруженных вещей в большом и малом курганах II Катандинского кладбища, а также приведенных аналогий из других археологических памятников А. А. Захаров сделал вывод о его датировке, предположив, что курган является самым древним и, возможно, его необходимо датировать ок. II в. н.э. (Захаров, 1926, с. 105–106).

В 1949 г. вышла в свет книга С. И. и Н. М. Руденко «Искусство скифов Алтая», в которой авторы дали описание деревянных фигурок коней из Большого Катандинского кургана. В своем исследовании они подчеркивали, что изображения животных в форме объемных рисунков и скульптур не были широко распространены у скифов. Однако на Алтае и в сопредельных регионах были обнаружены анималистические фигурки, сделанные из дерева, кости, бронзы и серебра: деревянные катандинские фигурки и литые бронзовые фигурки орлов из Берельского погребения, серебряная фигурка оленя, найденная в насыпи близ р. Бухтармы, и многие другие (Руденко С. И., Руденко Н. М., 1949, с. 18–21). Там же авторы рассмотрели катандинских коней, однако описали их как оленей. Отмечалось, что семь фигурок оседланы, одна — лежащая. Это маленькие лошадки,

по 7–8 см, изображенные в разных позах, пять из которых показаны в полный профиль, три — с повернутой головой. Для всех фигурок в древности были созданы вставные рога и уши, возможно, кожаные, для которых есть отверстия на головах. С.И. и Н. М. Руденко, как и А. А. Захаров, сообщили, что, по словам В. В. Радлова, передние луки седел и копыта были покрыты золотыми листками (Руденко С. И., Руденко Н. М., 1949, с. 17). Авторы утверждали, что утрата рогов и ассоциация седла с лошастью стали причиной недоразумения в интерпретации этих фигурок. Они отметили, что катандинские олени выполнены условно, имеют короткие и легкие туловища, длинные ноги и шею с тяжелой головой, а также утраченные рога и копыта, похожие на олени. Обратили внимание на седло, которое посажено на передние лопатки, как это делается при седловке оленя, и провели аналогию с фигуркой оленя с кожаными вставными рогами, подвеской одной из узд, обнаруженной в Пазырыкском кургане. Сообщили по этому поводу следующее: «Любопытно, что совершенно в такой же манере изображены скульптурные олени головы с приставными кожаными рогами в фигурках распластанных оленей...» (Руденко С. И., Руденко Н. М., 1949, с. 18). Таким образом, С.И. и Н. М. Руденко сделали вывод, что сложившаяся ассоциация с лошадью произошла из-за особенностей конструкции фигурок, попутно упоминая, что исторические данные могли быть искажены с течением времени, в частности, из-за утраты рогов, которые присутствовали первоначально.

С. В. Киселев (1905–1962) также обратил внимание на деревянные фигурки катандинских коней. Он отметил, что изделия были выполнены с большим мастерством, показаны в профиль с головами, повернутыми друг к другу (Киселев, 1949, с. 185). Как и другие ученые, Сергей Владимирович отметил, что у четырех лошадей сохранились части пришитой ленты, аналогичной сохранившимся кускам на нагруднике. Он обратил внимание на покрытие передних луков седла и копыт лошадей золотом, а также отметил, что от третьей пары фигурок сохранилась только одна, и что, помимо стоящих лошадей, были найдены фигурки коней в лежачей позе. Одна из них обращена вперед, а другая сильно фрагментирована. Автор рассмотрел катандинских лошадей с точки зрения техники и стиля выполнения и нашел сходство с деревянной статуэткой оленя, найденной в кургане Ноин-Ула в Монголии (Киселев, 1949, с. 186–187). Он акцентировал внимание на коротко подстриженных гривах, заключенных в специальные гребнеобразные футляры, украшенные рисунками из золота, войлока и цветной кожи. Особое внимание ученый уделил оформлению голов деревянных фигурок коней. Сверху у них имелись отверстия: не два, а четыре, поэтому автор предположил, что два отверстия предназначены для ушей, а вторая пара — для вставления рогов. К сожалению, детали вставок не сохранились. Это также отметили и другие исследователи. В заключение С. В. Киселев провел параллель с лошадьми в оленьих масках, найденными в Пазырыкском кургане. Возможно, катандинские фигурки коней оформлены по тому же образцу, что и настоящие лошади из Пазырыка.

А. А. Гаврилова (1910–1999) в статье за 1957 г. подробно рассмотрела раскопки Большого Катандинского кургана, начатые В. В. Радловым в 1865 г. и продолженные уже в XX в. другими отечественными исследователями, в частности, С. И. Руденко в 1925 г. Исследовательница описала курганное захоронение, в том числе и конское, а также обнаруженный многочисленный вещественный материал. Однако стоит отметить, что в работе не

было приведено описание катандинских фигурок лошадей. Их существование упомянуто кратко в следующем контексте: «...деревянные заседланные фигурки копытных животных, по-видимому лошадей, обнаруженные В. В. Радловым в погребальной камере» (Гаврилова, 1957, с. 252). Что касается датировки Большого Катандинского кургана, то, исходя из обнаруженных в нем вещей, автор сделала вывод, что «...Катандинский курган относится, по-видимому, к раннешибинскому времени, т.е. ко II–I вв. до н.э.» (Гаврилова, 1957, с. 267).

М. П. Грязнов (1902–1984) не привел детального описания катандинских фигурок лошадей, а лишь отметил в своей работе, что при раскопках В. В. Радловым Катандинского кургана в нем были найдены фигурки коней прекрасной сохранности, нашитые на шелковую ленту (рис. 5) (Грязнов, 1958, с. 6, рис. 3). Михаил Петрович сообщил, что тайна удивительной сохранности деревянных артефактов, найденных на Алтае, была раскрыта. Все благодаря глубокой могиле в Катандинском кургане, которая оказалась замерзшей. Именно это и спасло деревянные изделия от разрушения.

Рис. 5. Деревянная фигурка лошади из Катандинского кургана (ГИМ) (по: Грязнов, 1958)

Fig. 5. Wooden horse figurine from Katandinsky Mound (GIM) (according to: Gryaznov, 1958)

При рассмотрении сокровищ саков М. И. Артамонов (1898–1972) упоминал интересные нас находки, но не привел конкретного описания, а лишь отметил, что в Большом Катандинском кургане сохранилось много предметов, вырезанных из дерева (Артамонов, 1973, с. 53, рис. 63).

Г. А. Федоров-Давыдов (1931–2000) подробно описал результаты раскопок В. В. Радлова на Катандинском кургане и подчеркнул, что там были найдены фигурки деревянных коней, замаскированных под оленей, в которых запечатлены мимолетные позы животных и убедительно переданы повороты их голов (Федоров-Давыдов, 1976, с. 31).

Тему интерпретации катандинских фигурок лошадей затронул В. Д. Кубарев (1946–2011). Владимир Дмитриевич утверждал, что большинство таких находок являлись частью священных головных уборов погребенных. Это были не только лошади, но и другие животные — олени, козлы и птицы, выполненные в характерном для Алтая зверином стиле. В своей работе исследователь отметил, что в сакральный головной убор вождей и представителей племенной знати обязательно входили фигурки коней. Это подтверждается группой искусно выполненных деревянных скульптур с изображениями лошадей, найденных в Катандинском кургане (Кубарев, 1980, с. 59–60). Владимир Дмитриевич полагал, что расположение фигурок коней в свертке с одеждой привело к ошибочному пониманию их назначения. Он также утверждал, что деревянные фигурки коней не являются частью шаманского костюма, как это было установлено в ходе первоначальных исследований. Им также было сделано предположение, что деревянные фигурки катандинских коней выполнены в виде одинаковых пар или же специально выделены как разнополюсные пары, представляющие кобылу и жеребца, отражающие, по мнению ученого, культ плодородия. Исследователь высказал еще одно предположение по поводу парности катандинских фигурок лошадей: такие пары могли изображать коней, принесенных в жертву. Он провел определенную параллель с обрядовой деятельностью древних индоиранцев, у которых существовал обряд принесения в жертву не живого коня, а только его изображения, воплощенного в материальном предмете, или его отдельных частей, например головы. Такой обряд мог быть заимствован древними кочевыми народами, проживавшими на территории Алтая и в сопредельных регионах, и сохраняться до определенного времени (Кубарев, 1980, с. 65).

Кроме этого, В. Д. Кубарев (1987, с. 4) проанализировал аналогичные находки из курганного могильника пазырыкской культуры Уландрык-IV, где фигурки были покрыты листовым золотом и являлись декоративным элементом головного убора. Всего в курганах Уландрыка найдено было 20 целых фигурок коней, шесть фрагментированных и четыре головы. Владимир Дмитриевич отметил, что все фигурки коней были выполнены из дерева, а также что они отличаются размерами. Самые большие достигали 7–8 см, а самые маленькие — не более 2,5–4 см. Такое различие объясняется тем, что крупные фигурки были обнаружены в мужских и женских погребениях, а маленькие — в детских. Ученый детально описал процесс изготовления рассматриваемых нами изделий. Он указал, что работа резчика над фигуркой проходила в несколько этапов. Сначала процесс грубой обработки, а также контурное выделение основных объемов с применением однолезвийного ножа. Далее следовала тщательная проработка основной массы: происходило деление фигурки лошади на конкретные части. Выполнялась работа по моделированию мелких деталей: глаз, рта, копыт и орнамента. Именно на этом этапе работы при помощи шила-развертки проделывались небольшие отверстия для различных вставных деталей, таких как рога, уши и хвост. После всех вышеописанных этапов фигурку полировали, а также обклеивали тончайшим листовым зо-

лотом, в отдельных случаях раскрашивали киноварью и в конечном итоге вставляли все необходимые детали (Кубарев, 1987, с. 106–107).

Еще одна пара аналогичных фигурок найдена им на памятнике Барбургазы-I (Кубарев, 2006, с. 45). Владимир Дмитриевич рассматривал эти фигурки с точки зрения символического значения. В одной из своих работ исследователь упоминал также декоративные навершия коней, происходящие из курганов № 7 и 8 могильника Юстыд-ХII. Изделия имеют внешние схожие черты с катандинскими фигурками коней (Кубарев, 1991, с. 107).

Стоит отметить монографию, посвященную «оленным» камням, в которой В. Д. Кубарев (1979) провел сравнительный анализ между изображениями лошадей на «оленных» камнях и археологическими находками. Он отметил, что такое же сочетание мелких фигурок коней с более крупными барельефами оленей наблюдается в курганах горного Алтая — Катандинском, Уландрыке и Юстыде. По утверждению исследователя, изображения коней и оленей в виде скульптур имеют общую традицию на Алтае. В рамках этой традиции фигурки украшали золотыми рогами, для чего в их головах проделывали специальные отверстия (Кубарев, 1979, с. 78).

В некоторых экземплярах коней из Уландрыка даже имеются характерные отверстия в спине, которые, по мнению Владимира Дмитриевича, предназначены для установки вставных крыльев. Изображения крылатых небесных коней, выполненные в традиционном скифском стиле, встречаются и в петроглифах Алтая. Деревянные скульптурки коней, выделяющиеся полулунным основанием, находящиеся в составе сакрального головного убора у погребенных в курганах Уландрыка и Юстыда, имеют аналогичное образно-символическое значение. Такие детали, как позолота фигурок, наличие крыльев и лунное основание, подчеркивают связь этих скульптурок с мифическими конями, олицетворяющими солярные и космические аспекты оленя. Таким образом, по мнению ученого, существует явная семантическая связь между изображениями коней на «оленных» камнях и калтыками, связанными с солнцем и небом (Кубарев, 1979, с. 78–79).

Н. В. Полосьмак рассмотрела декоративные изделия, похожие на катандинские, — фигурки с головных уборов пазырыкской культуры: деревянные фигурки оленя и лошади. Обе находки происходят из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-5, а также три деревянные фигурки — украшения мужского войлочного шлема — из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 2001, с. 92, рис. 71а, б; с. 156, рис. 105–106). Деревянная фигурка лошади из Ак-Алаха-5 была найдена в погребении рядом с женским захоронением вместе с набором других декоративных изделий. По мнению исследователя, фигурка могла являться украшением воинского шлема (Полосьмак, 2001, с. 97). Наталья Викторовна сообщила, что вместе с захоронением могильника Кургутунгунтас, помимо останков десяти лошадей, были обнаружены элементы конского снаряжения — фрагменты фигурок лошадей и отдельные части голов конских фигурок, покрытые золотой фольгой (Полосьмак, 2001, с. 105). Она сообщила, что шлемы из пазырыкских курганов отличаются высокими верхушками, укрепленными с помощью деревянных конструкций и имеющими форму, напоминающую голову птицы. Эти конструкции украшали фигурки животных, выполненные из дерева: лошади и олени с рогами козе-рога. Именно в этом и заключается их уникальность (Полосьмак, 2001, с. 156). Как счи-

тает Н. В. Полосьмак, головные уборы и прически следует рассматривать в совокупности, поскольку они тесно связаны между собой и представляют наиболее важную составляющую костюма. С давних времен головные уборы ассоциировались с сакральной верхней частью тела. Именно на них были сосредоточены символы, которые содержали исчерпывающую информацию о конкретном человеке (Полосьмак, 2001, с. 143). Чаще всего такой набор встречается в мужских погребениях. Н. В. Полосьмак отметила, что находки головных уборов в замерзших могилах Укока позволили воссоздать расположение фигурок на войлочных головных уборах. Одна из лошадок крепилась на вершине — на голове птицы, другая — на макушке, а олень был прикреплен с левой стороны шапки. Все деревянные фигурки в древности покрывались золотой фольгой. На головных уборах мужчин были изображены основные персонажи пазырыкского бестиария, которые символизировали сакральный «верх»: птица, олень и лошади с рогами козерога (Полосьмак, 2001, с. 157, рис. 105, рек. IV). Рога козерога, как символ животного, использовались пазырыкцами и как самостоятельный элемент. И не только ими. Золотые кони с рогами козерога украшали головной убор молодого мужчины из кургана Иссык (Акишев, 1978, с. 18–19). Похоже, что этот синкретический образ (козерог и лошадь вместе) был универсальным символом Солнца и Верхнего мира для всех центральноазиатских кочевников, сообщает исследователь. Олень-козерог и конь-козерог, вероятно, были взаимозаменяемыми священными образами для пазырыкцев. Как и у других индоевропейских народов, эти животные были символами, сопровождающими умерших в «иной» мир. Например, настоящие кони с деревянными имитациями рогов козерога были найдены во Втором Туэктинском, Втором Башадарском и Берельском курганах (Полосьмак, 2001, с. 158). Н. В. Полосьмак в своей работе упомянула и три фигурки деревянных коней из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин-2 (Полосьмак, 2001, с. 159).

Деревянные фигурки катандинских коней приведены в одной из работ М. А. Очир-Горяевой (2017, с. 181), в которой она отметила их реалистичность, а также то, что изображены обьеженные и оседланные животные. В своей работе Мария Александровна рассмотрела деревянные фигурки оленей из Барбургазы-II, Уландрыка-I (курган 1), Юстыда-XII, которые по своему внешнему облику схожи с катандинскими фигурками коней (Очир-Горяева, 2017, с. 182, рис. 2). Эти же фигурки оленей ранее уже были рассмотрены В. Д. Кубаревым (1981). Исследовательница сообщила о деревянных фигурках лошадей с войлочных головных уборов пазырыкской культуры, которые также схожи с катандинскими (Кубарев, 1991, с. 107).

Результаты

В результате рассмотрения различных мнений исследователей о деревянных фигурках коней, найденных в Большом Катандинском кургане, можно сделать несколько ключевых выводов, касающихся их значения и роли в культуре скифов. В. В. Радлов, хотя и упоминал о находках, оставил множество деталей нераскрытыми, что предоставило простор для дальнейшего изучения древних артефактов. А. А. Захаров предложил подробный анализ деревянных фигурок, акцентируя внимание на их конструктивных особенностях, использовании материалов и художественном исполнении.

М. И. Ростовцев и другие исследователи подчеркнули высокое мастерство и реалистичность изображений животных, что может свидетельствовать о развитом художественном языке скифской культуры. С.И. и Н. М. Руденко, хотя и ввели некоторую путаницу в интерпретации, отметили элементы, указывающие на многозначность фигурок, которые могут быть как лошадьми, так и оленями.

Исследования С. В. Киселева и М. П. Грязнова дополнительно подтвердили идею о высоком уровне художественного исполнения и сохранности находок благодаря специфическим условиям их захоронения. Г. А. Федоров-Давыдов и В. Д. Кубарев распространили дискуссию на интерпретации ритуального назначения фигурок, рассматривая их как элементы сакральных головных уборов и отражения культовых практик.

Н. В. Полосьмак завершила дискуссию, связывая фигурки с более широкими религиозными и символическими аспектами, такими как культ плодородия и представления о загробной жизни. В итоге каждая работа вносит важный вклад в понимание сложной символики и эстетических особенностей катандинских фигурок, подтверждая их многозначность и культурное значение в скифском обществе.

Проведенный анализ различных источников выявил, что указанные фигурки могли выполнять не только эстетические, но и символические функции, связанные с погребальными обрядами и культурными традициями древних кочевников. Исследователи, такие как С. В. Киселев и В. Д. Кубарев, отметили потенциальную связь фигурок коней с ритуальной деятельностью, предполагая, что они могли символизировать жертвоприношения или служить частью сакрального головного убора. Это подчеркивает важность контекста, в котором находились артефакты, и их роль в древних культурных практиках.

Все исследователи сходятся во мнении о высокой художественной ценности катандинских фигурок и их важности для понимания мировоззрения и духовной культуры древних кочевников. Дальнейшие исследования, основанные на применении современных методов анализа, могут пролить свет на нерешенные вопросы и углубить наше понимание роли лошади в жизни и искусстве скифского мира.

Историографический анализ показывает, что изучение катандинских фигурок лошадей прошло долгий путь от кратких упоминаний в дневниках В. В. Радлова до детальных исследований А. А. Захарова, С.И. и Н. М. Руденко, С. В. Киселева и других ученых. Каждая работа вносила свой вклад в понимание значения этих артефактов, предлагая различные интерпретации и проводя параллели с другими памятниками скифской культуры. Несмотря на это, до сих пор существуют дискуссионные вопросы, касающиеся, в частности, их функционального назначения.

Заключение

В представленных работах поднимаются критически важные вопросы о символике и функциональных аспектах данных артефактов. Исследователи рассматривали катандинские фигурки лошадей как произведения искусства, демонстрирующие высокое мастерство исполнения и реалистичность изображения. Они отмечали не только эстетическую ценность, но и ремесленные особенности, что свидетельствует о технических знаниях и умениях древних мастеров. На основе представленного историографическо-

го анализа можно сделать вывод, что результаты изучения фигурок катандинских лошадей создают возможность для дальнейшего комплексного рассмотрения аналогичных находок, а также для глубокого анализа образа лошади в искусстве и обрядовой деятельности древних кочевых социумов не только Алтая, но и всей Внутренней Азии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с.
- Гаврилова А. А. Раскопки Второго Катандинского могильника // СА. 1957. № 27. С. 250–268.
- Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. L'art ancien de l'Altai. Л.: Государственный Эрмитаж, 1958. 96 с.
- Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г. // Тр. ГИМ. Разряд археологический. 1926. Вып. 1. С. 71–106.
- Камелина Г. А. Катандинские лошади // Блог Государственного Исторического музея. 2024. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=11054> (дата обращения: 16.07.2025).
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1949. 364 с.
- Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Кубарев В. Д. «Конь счастья» в религиозно-идеологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. 1979. К 50-летию института «Урсувати». Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1980. С. 58–70.
- Кубарев В. Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 84–94.
- Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 186 с.
- Кубарев В. Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 41–54.
- Марсадолов Л. С. История и итоги археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х XX века). СПб.: ВИЧИ, 1996. 100 с.
- Марсадолов Л. С. К 70-летию начала раскопок больших курганов в Салбыке и Туэкте на Саяно-Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, № 1. С. 224–241.
- Очир-Горяева М. А. Изображения коня в искусстве скифской эпохи степной Евразии // КСИА. 2017. № 247. С. 176–188.
- Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк. Пг.: Огни, 1918. 190 с.
- Руденко С. И. и Н. М. Искусство скифов Алтая. М.: ГМИИ, 1949. 92 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Шалаева Н. В. Методы исследований в истории: учебное пособие для аспирантов. Саратов: Саратовский ГАУ, 2014. 80 с.

REFERENCES

Akishev K. A. Kurgan Issyk. The Art of the Sakas of Kazakhstan. Moscow: Iskusstvo, 1978. 132 p. (*In Russ.*)

Artamonov M. I. Treasures of the Sakas. The Amu-Darya Treasure. Altai Mounds. Minusinsk Bronzes. Siberian Gold. Moscow: Iskusstvo, 1973. 280 p. (*In Russ.*)

Gavrilova A. A. Excavation of the Second Katanda Cemetery. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archeology*. 1957;27:250–268. (*In Russ.*)

Gryaznov M. P. Ancient Art of Altai. L'art ancien de l'Altai. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, 1958. 96 p. (*In Russ.*)

Zaharov A. A. Materials on the Archaeology of Siberia. Excavations of Academician V. V. Radlov in 1865. *Tr. GIM. Razryad arheologicheskij = Proceedings of the State Historical Museum. Archaeological category*. 1926;1:71–106. (*In Russ.*)

Kamelina G. A. Katandinsky Horses. In: Blog of the State Historical Museum. Access mode: <https://blog.mediashm.ru/?p=11054> (date of access: 16.07.2025). (*In Russ.*)

Kiselev S. V. The Ancient History of Southern Siberia. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949. 364 p. (*In Russ.*)

Kubariev V. D. Ancient Statues of Altai (The Oxen Stones). Novosibirsk: Nauka, 1979. 120 p. (*In Russ.*)

Kubariev V. D. The “Horse of Happiness” in the Religious and Ideological Conceptions of the Early Nomads of the Altai Mountains. In: The Roerich Readings. The Year is 1979. Dedicated to the 50th anniversary of the Urusvati Institute. Novosibirsk: GPNTB SO AN SSSR, 1980. Pp. 58–70. (*In Russ.*)

Kubariev V. D. The Horse in the Sacred Attribution of the Early Nomads of the Altai Mountains. In: Problems of West Siberian Archeology. The Iron Age. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 84–94. (*In Russ.*)

Kubariev V. D. The Mounds of Ulandryk. Novosibirsk: Nauka, 1987. 304 p. (*In Russ.*)

Kubariev V. D. The Mounds of Yustida. Novosibirsk: Nauka, 1991. 186 p. (*In Russ.*)

Kubariev V. D. Myths and Rituals Imprinted in Altai Petroglyphs. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2006;3(28): 41–54. (*In Russ.*)

Marsadolov L. S. History and Results of Archaeological Sites in Altai from the 8th to the 4th centuries BC (from the origins to the early 1980s). Saint-Petersburg: VICH, 1996. 100 p. (*In Russ.*)

Marsadolov L. S. On the 70th Anniversary of the Excavation of Large Burial Mounds in Salbyk and Tuekta in the Sayano-Altai region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(1):224–241. (*In Russ.*)

Ochir-Goryaeva M. A. Images of a Horse in the Art of the Scythian Epoch of Eurasian Steppe. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arheologii = Brief Reports from the Institute of Archaeology*. 2017;247:176–188. (*In Russ.*)

Polos'mak N. V. The Riders of Ukok. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001. 336 p. (*In Russ.*)

Radlov V. V. From Siberia: Diary Pages. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (*In Russ.*)

Rostovtsev M. I. Hellenism and Iranism in the South of Russia. A General Outline. Petrograd: Ogni, 1918. 190 p. (*In Russ.*)

Rudenko S. I. i N. M. The Art of the Scythians of Altai. Moscow: GMII, 1949. 92 p. (*In Russ.*)

Fedorov-Davydov G. A. The Art of the Nomads and the Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of the Eurasian Steppes and Golden Horde Cities. Moscow: Iskusstvo, 1976. 228 p. (*In Russ.*)

Shalaeva N. V. Research Methods in History: a Textbook for Graduate Students. Saratov: Saratovskij GAU, 2014. 80 p. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гражданкина Виктория Алексеевна, лаборант-исследователь отдела сопровождения НИОКР Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Victoria A. Grazhdankina, Research Assistant at the Research and Development Support Department of Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025;

одобрена после рецензирования 18.09.2025;

принята к публикации 24.09.2025.

The article was submitted 18.06.2025;

approved after reviewing 18.09.2025;

accepted for publication 24.09.2025.